

Мейерсон Эмиль

**Тождественность и
действительность**

**Опыт теории естествознания
как введение в метафизику**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э55

Э55 **Эмиль М.**
Тожественность и действительность: Опыт теории естествознания как введение в метафизику / Мейерсон Эмиль – М.: Книга по Требованию, 2022. – 516 с.

ISBN 978-5-519-96057-1

ISBN 978-5-519-96057-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ней—въ мірѣ во времени. Законъ и причинность—двѣ функціи принципа тождества, проявляющагося въ разныхъ направленіяхъ. Они не могутъ, поэтому, всецѣло замѣнить другъ друга. Оба они одинаково необходимы.

Конституитивные принципы конкретнаго естествознанія (принципы инерціи, единства матеріи, сохраненія энергіи, атомизмъ и т. д.) стремятся къ той же цѣли: установленію тождества въ пространствѣ и во времени. Но цѣль эта никогда не можетъ быть и никогда не должна быть ими достигнута; ибо абсолютная тождественность совершающагося исключаетъ равнообразіе и множественность явленій, есть, поэтому, отрицаніе конкретной дѣйствительности. Силошное господство тождества уничтожило бы, „сбѣло“ бы дѣйствительность. *Identité et réalité*, тождество и дѣйствительность, въ конечномъ счетѣ, враждебны другъ другу. Ирраціональный немеханический моментъ въ мірѣ научнаго разума непрерывно противится безусловному проведенію принципа тождества—слѣдовательно, и принциповъ законности и причинности. Въ этой имманентной враждѣ залогъ существованія нашего міра. Его близость къ сферамъ тождества (законности и причинности) защищаетъ его отъ посягательствъ ирраціональнаго, аналогія съ міромъ ирраціональнаго предохраняетъ его отъ опасности быть поглощеннымъ всецѣло тождествомъ. Это двойное родство нашего міра, міра конкретной науки, съ обоими его противоположными полюсами, свидѣтельствуешь о томъ, что міръ нашъ,—міръ бытія и становленія—не иллюзія и не вымыселъ, а подлинный, для научнаго сознанія единственно возможный міръ.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, концепція Мейерсона. Быть можетъ, авторъ не склоненъ будетъ согласиться со мною, когда я настаиваю на невозможности выключенія механическаго, ирраціональнаго элемента и изъ міра науки въ узкомъ значеніи этого слова. Но тонкій, исчерпывающій анализъ механическихъ и атомистическихъ ученій, такъ удачно проведенный Мейерсономъ, его разборъ примѣненія понятія законности, предполагающей качественное разнообразіе явленій, разборъ принципа Карно, все это подтверждаетъ правильность моего воззрѣнія. Оно нѣсколько отличается и отъ взглядовъ Г. Бергсона, къ которому авторъ относится съ излишнимъ

пристрастіемъ. Для мыслителей типа Бергсона подлинный міръ, дѣйствительность, начинается только тамъ, гдѣ кончается область науки. Философія же здраваго смысла, какъ она представлена въ трудѣ Мейерсона, исключаетъ возможность такого рѣзкаго противопоставленія науки и дѣйствительности. Въ конкретной наукѣ, въ меньшей степени въ ея логикѣ, какъ она выражается въ тріединствѣ тождества законности и причинности, заключается неразстворимый элементъ ирраціональнаго, безъ котораго не могутъ обойтись и акты чистаго логическаго мышленія. Завѣса „метафизики“ поднимается уже въ процессѣ научной и общечеловѣческой дѣятельности. „Теорія естествознанія, какъ введеніе въ метафизику“ есть, поэтому, одновременно и выявленіе „метафизическаго“, немеханическаго (ненаучнаго) элемента.

Книга Мейерсона имѣетъ еще и историческія заслуги. Цѣлые періоды изъ исторіи естественно-научныхъ теорій выступаютъ здѣсь въ новомъ своеобразномъ освѣщеніи. Отрывки изъ научной лѣтописи среднихъ вѣковъ, изложеніе ученій Ньютона, примѣненіе принципа Карно—яркіе примѣры тому.

Русская философская мысль по традиціямъ своимъ склонна къ особаго рода догматическому импрессионизму. Она больше интересуется общими выводами и рѣдко обращаетъ вниманіе на путь, который приводитъ насъ къ нашимъ взглядамъ. Теоретическій произволъ или же грубый утилитаризмъ въ философіи—результатъ такого отношенія. Правильно понять задачи науки въ Россіи—это значитъ насытить умы не готовыми догмами, а развить въ нихъ стремленіе къ методичности и любовь къ историческимъ фактическимъ знаніямъ. Иначе научная мысль не въ состояніи пустить глубокихъ корней. Въ этомъ смыслѣ и книга Эмиля Мейерсона, методическимъ и историческимъ путемъ раскрывающая содержаніе основныхъ началъ естествознанія, ведетъ къ укрѣпленію правильныхъ взглядовъ на самую науку. Въ послѣднемъ счетѣ съ этимъ связана судьба всей современной культуры, которая въ такой же мѣрѣ нынѣ руководится организованнымъ научнымъ знаніемъ, какъ культура католической эры (среднихъ вѣковъ) управлялась ученіями церкви. Только въ этомъ, выспемъ значенію утилитаризмъ, въ примѣненіи къ наукѣ въ цѣломъ, имѣ-

еть право на существованіе. Подобному утилитаризму въ мышленіи служить также далекій, повидимому, отъ жизни трудъ Э. Мейерсона.

Считаю своимъ долгомъ отмѣтить, что первыя восемь главъ и оба предисловія переведены съ французскаго языка К. И. Брусиловскимъ; переводъ IX, X и XI главы и приложений сдѣлалъ С. О. Гессеномъ; главу XII перевелъ В. О. Цедербаумъ. Надъ редакціей перевода помимо меня работали М. Н. Шварцъ и самъ авторъ.

Давидъ Койгенъ.

Предисловіе къ французскому изданію.

Настоящее сочиненіе, по методу своему и согласно терминологіи, которая въ достаточной степени установилась и стремится стать общепринятою, относится къ области философіи наукъ или эпистемологіи.

Однако, въ нашихъ изслѣдованіяхъ мы руководились нѣкоторыми предвзятыми и чуждыми этой области понятіями.

Самое важное изъ этихъ понятій заключается въ томъ положеніи Гельмгольца, которое мы поставили во главѣ нашего труда. Контекстъ ближе опредѣляетъ то, что въ этомъ отрывкѣ кажется, на первый взглядъ, общимъ и неопредѣленнымъ.

Великій физикъ хотѣлъ сказать, что безсознательные психическіе процессы, которыми неизбѣжно сопровождаются зрительныя воспріятія, тождественны съ процессами сознательной мысли. Читавшіе Физіологическую оптику знаютъ, что это не брошенное мимоходомъ замѣчаніе, а одна изъ основныхъ идей этого удивительнаго произведенія. Намъ казалось, что можно значительно расширить примѣненіе этого принципа, что не только зрѣніе, но вообще воспріятіе внѣшняго міра должно дать толчокъ такимъ процессамъ, природа которыхъ, по крайней мѣрѣ, отчасти обнаружится, если основательно изслѣдуютъ тѣ процессы, при помощи которыхъ сознательная мысль преобразуетъ этотъ образъ. Другими словами, мы думаемъ, что для разрѣшенія проблемъ, касающихся міра здраваго смысла, лучший путь заключается въ изслѣдованіи тѣхъ методовъ, которымъ слѣдуетъ наука. Поступая такъ, мы какъ бы идемъ противъ того первоначальнаго правила, которое велитъ восходить отъ простаго къ сложному; но это потому, что кажущееся здѣсь простымъ не является таковымъ въ дѣйствительности. Какъ показалъ Берли, еще до Гельмгольца, процессъ зрительнаго вос-

пріятія—мы возвращаемся къ избранному примѣру—заключаетъ нѣкоторое количество сжатыхъ разсужденій, которыя трудно прослѣдить. Предполагая, что процессъ остается однимъ и тѣмъ же, мы имѣемъ, слѣдов., гораздо больше шансовъ раскрыть его ходъ, исходя изъ явленія, которое, повидимому, болѣе сложно, но въ которомъ различные этапы процесса расчленены.

Кромѣ того, правило, на которое мы выше указывали, подчинено другому болѣе важному правилу, которое велитъ восходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Но то, что признано безсознательнымъ, признано вмѣстѣ съ тѣмъ неизвѣстнымъ и даже по существу непосредственно непознаваемымъ.

Это, однако, не значитъ, что разсужденіе, которое мы обыкновенно квалифицируемъ, какъ сознательное, является нашему уму во всей желательной ясности. Нашъ разумъ способенъ основательно изслѣдовать всѣ вещи, кромѣ самого себя. Когда я разсуждаю, я въ дѣйствительности не способенъ наблюдать дѣйствія моего разсудка. Дѣйствительно ли я пришелъ къ такому-то выводу именно такимъ-то путемъ? Какъ только я задаюсь такимъ вопросомъ, меня охватываетъ сомнѣніе; и это сомнѣніе я могу разрѣшить не иначе, какъ методически возстановляя въ памяти, по мѣрѣ силъ, то разсужденіе, о которомъ идетъ рѣчь, такъ чтобы всѣ его фазы, которыя были безсознательными въ тотъ моментъ, когда я разсуждалъ, чтобы возможно быстрее прійти къ цѣли, вопли теперь въ область моего сознанія. Легко замѣтить, что такимъ именно способомъ поступаютъ, напримѣръ, въ логикѣ. Этотъ способъ не всегда свободенъ отъ опасностей. Разсужденіе, нарочито созданное, показываетъ намъ одинъ путь, при помощи котораго мы могли бы прійти къ заключенію; но есть ли это тотъ путь, которому мы раньше слѣдовали? Безъ сомнѣнія, мы не можемъ непосредственно узнать это, потому что промежуточные этапы процесса не дошли до нашего сознанія. Тогда мы прибѣгнемъ къ косвеннымъ приемамъ; мы скажемъ, напримѣръ, что, если бы мы разсуждали такимъ-то путемъ, то получилось бы такое-то слѣдствіе, которое мы въ силахъ провѣрить. Но эти разслѣдованія, прямые или косвенные, легко могутъ насъ ввести въ заблужденіе. Не надо забывать, въ самомъ дѣлѣ, что изысканія всегда подчиняются власти пред-

взятыхъ идей, гипотезъ; въ противоположность тому, что думалъ Бэконъ, эти идеи необходимы для того, чтобы руководить ходомъ нашего мышленія. Впрочемъ, мы никогда не бываемъ вполне свободны отъ нихъ; если намъ и кажется, что мы отъ нихъ свободны, то это только доказываетъ, что эти идеи остаются въ подсознательной сферѣ. Если предположить невозможное, а именно, что мы дѣйствительно не имѣемъ никакого мнѣнія о данномъ предметѣ въ тотъ моментъ, когда приступаемъ къ его изслѣдованію, то такое мнѣніе самопроизвольно явится, какъ только мы вступимъ въ новую область; и явится оно подъ вліяніемъ духовныхъ predispositions, скрытыхъ отъ насъ самихъ, и подъ вліяніемъ нѣкотораго знанія, на первый взглядъ, быть можетъ, и чуждаго той области, о которой идетъ рѣчь. Гипотеза же, разъ возникшая, будетъ вліять на всю послѣдующую нашу работу. Когда мы примемся возстановлять въ памяти разсужденіе, мы будемъ безсознательно нитаться приспособлять его къ идеѣ, которую мы приняли, а тогда возможно, что эта идея, въ зависимости отъ многочисленныхъ средствъ нашего разума, окажется пластической, что она будетъ уступать давленію, которое мы, сами того не желая, будемъ на нее оказывать,—а все это очевидно исказитъ результаты. Мы ищемъ, по крайней мѣрѣ, отчасти этой опасности, если обратимся не къ нашей собственной мысли, нарочно для этого вызванной на свѣтъ, а къ мысли другого, лишенной пластичности уже потому одному, что она записана. Наука даетъ намъ основной очеркъ такихъ мыслей. Но современная наука насъ не удовлетворяетъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы изслѣдуемъ не столько результатъ, сколько методъ, путь, по которому приходятъ къ результату. А въ этомъ отношеніи ученый не отличается отъ обыкновеннаго человека. Когда онъ разсуждаетъ, онъ въ себя самого не вникаетъ. Онъ, слѣдовательно, непосредственно не знаетъ того пути, по которому пришелъ къ тому или иному выводу; мотивы, заставившіе его принять этотъ выводъ, могутъ быть совершенно отличны отъ мотивовъ, имъ предполагаемыхъ. Вотъ почему необходимо контролировать свои утвержденія, обращаясь къ мысли не индивидуальной, а коллективной, изслѣдуя генезисъ понятій въ исторіи, изслѣдуя ихъ эволюцію.

Предисловіе къ русскому изданію.

Первое изданіе этой книги встрѣтило, вообще говоря, благопріятный пріемъ въ кругахъ компетентной критики какъ во Франціи, такъ и за границей. Однако, не было недостатка и въ возраженіяхъ. Возраженія эти, какъ намъ кажется, возникли вслѣдствіе того, что основы нашего метода,—конечно, по винѣ автора,—не были достаточно оцѣнены критиками. Мы думаемъ, что ихъ можно разбить на три группы, которыя мы назовемъ возраженіями психологическими, эпистемологическими и, наконецъ, метафизическими; эти наименованія только частично подходятъ къ природѣ сдѣланныхъ возраженій, но мы сейчасъ же увидимъ, о чемъ рѣчь идетъ.

Психологическія возраженія заключались въ критикѣ того способа, какимъ мы устанавливаемъ границы того или иного понятія. Особенно острой критикѣ подверглось понятіе о научной причинности, и мы ограничимся разсмотрѣніемъ этого частнаго случая, при чемъ прибавимъ, что наши замѣчанія вполне приложимы и къ другимъ аналогичнымъ случаямъ.

Каковъ истинный генезисъ разсматриваемаго понятія? Слѣдуя той программѣ, которую Огюсть Контъ начерталъ, но которую онъ не выполнилъ, мы хотѣли,—какъ на это бѣгло указано въ предисловіи, — апостериорнымъ путемъ познать тѣ апіорныя пачала, которыя направляютъ наше мышленіе въ его устремленіи къ реальности. Съ этой цѣлью мы анализируемъ науку,—не для того, чтобы извлечь изъ нея то, что разсматривается, какъ ея результаты (какъ это часто дѣлаютъ матеріалисты и „натурфилософы“), еще меньше для того, чтобы вдохновиться ея методами (на что притязаютъ позитивисты),—мы скорѣе разсматриваемъ ее какъ сырой матеріалъ для работы, какъ уловимый продуктъ-образчикъ человѣческой мысли въ ея развитіи. Такимъ

образомъ дефиниція того или другого изъ нашихъ понятій никоимъ образомъ не вытекаетъ изъ логическаго или психологическаго анализа этого понятія. Что касается, въ частности, терминовъ причина и причинность, то мы, конечно, знаемъ, что ихъ можно опредѣлить иначе, чѣмъ мы это дѣлали,—мы отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, насколько должна на первый взглядъ казаться непривлекательной попытка свести эти понятія къ точному утвержденію тождества во времени (и еще больше—въ пространствѣ). Но намъ кажется, что эти понятія суть единственныя, коими наука дѣйствительно пользуется.

Ходъ разсужденія приблизительно таковъ. Если мы исходимъ изъ представленія, что наука является просто сборникомъ законовъ, то при разсмотрѣніи реальной науки мы наталкиваемся на аномаліи. Мы получаемъ нѣкоторый остатокъ, какъ только мы изъ науки реальной извлекаемъ науку легальную. Но оказывается, что всѣ эти аномаліи вытекаютъ изъ одного принципа—изъ принципа тождества во времени и пространствѣ. И первая его часть названа нами принципомъ (научной) причинности. Удачно ли подобрано названіе? Когда ученые говорятъ о причинѣ и ея изслѣдованіи, то они въ сущности подчиняются этой формулѣ. Но содержаніе этой формулы установлено лишь апостеріорнымъ путемъ. Можно ли было яснѣе выявить генезисъ этого понятія? Авторъ могъ бы, конечно, облечь разнообразные вопросы въ форму загадки и затѣмъ доказывать, что къ нимъ приложимо одно и то же рѣшеніе. Это значило бы написать книгу бэковскаго типа, по образцу нѣкоторыхъ англійскихъ книгъ. Картезіанскій методъ, сначала формулирующій тезисъ и затѣмъ дающій доказательство, казался здѣсь болѣе предпочтительнымъ,—въ особенности въ виду неизбежнаго обилія научнаго матеріала. Но этотъ приемъ былъ связанъ съ неудобствами. Вводя понятія,—и особенно понятіе причинности,—приходилось, для точнаго ихъ опредѣленія, прибѣгать, по крайней мѣрѣ, къ подобію психологическаго анализа; и острые умы могли впасть здѣсь въ заблужденіе, принимая такой загадочный анализъ за истинный источникъ понятія,—тогда какъ тутъ давалась только эвристическая гипотеза, находившая себѣ оправданіе лишь послѣ примѣненія, лишь въ результатахъ, кото-

рые съ ея помощью достигались. Если съ этой точки зрѣнія въ книгѣ имѣются недостатки, то мы считаемъ ихъ трудно устранимыми въ самомъ текстѣ; и на настоящее предисловіе мы просимъ смотрѣть, какъ на попытку, которая вноситъ нѣкоторую и возможную при настоящихъ условіяхъ поправку.

Въ основѣ эпистемологическихъ возраженій, намъ кажется, лежитъ отличное отъ нашего представленіе о роли математическихъ наукъ. И здѣсь мы утверждаемъ, что мы пришли къ нашимъ выводамъ апостериорно, т. е. послѣ того, какъ мы имѣли передъ собою физическую науку, рассматриваемую какъ одно цѣлое. Конечно, можно было бы утверждать, что эта наука не представляетъ собою независимаго комплекса, что настоящее цѣлое состоитъ изъ суммы наукъ математическихъ и физическихъ и что мы, стало быть, должны были бы изслѣдовать сначала основы первыхъ, а въ этихъ основахъ мы нашли бы тайну образованія вторыхъ. Мы, конечно, въ правѣ были бы отвѣтить на это, что и въ этомъ случаѣ нашъ методъ остается чисто-провизорнымъ и оправдывается результатами. Но, быть можетъ, указаніе на происхожденіе руководившей нами мысли будетъ лучшей защитой этого метода въ глазахъ читателя.

Мы пришли къ ней при изученіи исторіи науки—и именно при изученіи химіи въ эпоху, предшествовавшую Лавуазье. Всякій, кто въ меньшей или большей степени проникалъ въ эту область, (для изученія которой труды Германа Каяна представляютъ въ высокой степени цѣнное руководство), долженъ былъ вынести впечатлѣніе, что онъ имѣетъ дѣло съ настоящей наукой, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. И между тѣмъ эта наука кажется намъ, на первый взглядъ, совершенно отличной отъ наукъ современныхъ. Возможно ли, однако, чтобы это различіе было столь основнымъ, какимъ его обычно представляютъ, чтобы оно коренилось въ самомъ процессѣ мышленія, чтобы этотъ процессъ претерпѣлъ нѣкое глубокое измѣненіе въ такой небольшой промежутокъ времени? Не кажется ли, напротивъ, безконечно болѣе вѣроятнымъ, что способъ объясненія, который удовлетворялъ проныцательные умы еще столѣтъ тому назадъ и который совершенно подчинялъ себѣ научное мышленіе человѣчества въ эту не очень далекую отъ насъ эпоху

(ибо эти химическія теоріи суть только послѣдвіе отпрыски «средневѣковой науки перипатетиковъ»),—долженъ, въ концѣ концовъ, быть сведенъ къ принципамъ, которые руководятъ нашей мыслью въ насъ самихъ, словомъ, что между этими двумя науками, на вѣшній видъ столь далекими другъ отъ друга, долженъ быть общій знаменатель? Не въ этомъ ли общемъ факторѣ кроется объясненіе того поразительнаго обстоятельства, что нѣкоторыя физическія теоріи древности, какъ теоріи Демокрита и Эпикура, очень мало испытавшія на себѣ вліяніе математическихъ наукъ, удивительнымъ образомъ напоминаютъ наши современные научныя представленія? Не является ли онъ существеннымъ элементомъ человѣческой мысли, формулой, которая всегда и повсюду имѣетъ надъ этой мыслью господство и выдѣленіе которой дѣлаетъ возможнымъ проникнуть въ ея генезисъ глубже или, по крайней мѣрѣ, съ большей увѣренностью, чѣмъ это позволяетъ сдѣлать непосредственная интроспекція? Проблема, кажушаяся чисто эпистемологической, расширяется такимъ образомъ въ проблему теоріи познанія.

Легко видѣть, что изъ такой постановки проблемы уже прямо вытекаютъ нѣкоторыя особенности ея разрѣшенія. Средневѣковая наука,—и въ этомъ именно заключается ея коренное отличие отъ современной науки,—не подвластна понятію количества; математика не можетъ играть въ ней той преобладающей роли, какую она играетъ теперь, подобно тому какъ не играла она этой роли и въ атомическихъ теоріяхъ древности. Отсюда вытекаетъ, что математика сама по себѣ тѣмъ менѣе способна дать исчерпывающее объясненіе во всемъ томъ, что относится къ общей теоріи знанія и, въ частности, къ происхожденію науки. Роль математическихъ наукъ, какъ это легко увидѣть, огромна въ современной наукѣ. Многія черты послѣдней, очевидно, объясняются введѣніемъ на нее математики. Но помимо этихъ чертъ должны существовать еще другія—именно потому, что онѣ характерны и для каждой физической науки. Мы старались найти и изслѣдовать эти другія черты, но наша позиція, очевидно, не была обовначена съ достаточной ясностью, такъ какъ не одинъ свѣдущій читатель оказался введеннымъ въ заблужденіе. Но возможно также, что, подѣ